

УДК 111.1

А. А. Ивакин,
заведующий кафедры философии
Национального университета «Одесская юридическая академия»,
доктор философских наук, профессор

СОРАЗМЫШЛЕНИЯ С М. ХАЙДЕГГЕРОМ О БЫТИИ

Кого и за что М. Хайдеггер называет метафизиками?

Порой философу приходится слышать упреки по поводу того, что вместо рецептов решения насущных проблем жизни он предлагает какую-то никому не нужную метафизику. Что же такое метафизика?

М. Хайдеггер метафизиками называл тех, кто забывает о Бытии (мира и человека), о его логике и Истине. Метафизиками он называет тех философов и ученых, которые изучают лишь *сущее*, то есть всё то, что эмпирически существует рядом с нами, да и в нас самих. И действительно, такое занятие совершенно бесплодно: «Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично» [3, с. 197].

Хотелось бы поправить себя самого: такое занятие не просто бесплодно, но смертельно опасно для человечества, потому что оно доверяется слепым поводырям. «Человечеству метафизики отказано в пока еще сокровенной истине бытия. Трудящееся животное оставлено дышать угаром своих достижений, чтобы оно растерзало само себя и уничтожилось в ничтожное ничто» [2, с. 178].

«Прежде чем сможет наступить событие Бытия в его изначальной истине, должно сперва надломиться бытие как воля, мир должен быть принужден к крушению, земля – к опустошению и человек – к пустому труду. Только после этого заката сбудется через долгое время внезапная тишина Начала. На закате все, то есть то сущее в целом, о котором метафизика высказывает свои истины, идет к своему концу» [2, с. 178].

Хотелось бы возразить этим горьким словам, но как? Как предотвратить такой ход событий, если человечество в массе своей знать не хочет (и не может), что такое бытие и зачем оно нужно? «Метафизически отче-

каненный способ человеческого представления обнаруживает повсюду только метафизически устроенный мир. Метафизика присуща природе человека» [2, с. 178].

Выходит, что человечество в массе своей никогда не сможет мыслить достойно и глубоко, так как этому мешает присущий ему обыденный, «здоровый» рассудок. М. Хайдеггер в своем докладе «О сущности истины» говорит: «“Здоровый” человеческий рассудок стучит в дверь, за которой скрывается осязаемая полезность, и усердствует против знания о сущности сущего, которое как существенное знание с давних пор называется «философией» <...> Философия никогда не сможет опровергнуть обыденный рассудок, так как он глух к ее языку. Она не посмеет пожелать когда-нибудь его опровергнуть, потому что обыденный рассудок *слеп*, чтобы видеть то, что она открывает взору, созерцающему сущность» (курсив – А. И.) [1, с. 9].

И возникает вопрос: какая же это элита собирается руководить человечеством в ближайшее время, становящееся все более и более тревожным? Этим займутся мудрецы, как мечтал Платон, или же «глухие» и «слепые» хитрецы?

В чем главная задача философии?

Я думаю, пессимизм М. Хайдеггера сродни пессимизму тех современных ученых-специалистов, которые предупреждают, что из-за бездеятельности человечества перед лицом нарастания глобальных проблем уже в 30-е годы текущего столетия возможно возникновение на нашей планете губительного для человечества, а может, и всей биосферы, кризиса, переходящего в коллапс. Задача этих «пессимистов» – все же постараться вразумить неслышащих и невидящих. И вот они звонят во все колокола в надежде, что вдруг глухие услышат, что разгорается всемирный пожар. Надежда ведь умирает последней.

А вот тем, кого М. Хайдеггер назвал метафизиками, вовсе не нужно, чтобы люди вняли этим серьезным предупреждениям: ведь с присущим им мышлением этих проблем все равно не решить, а раз так, то незачем их и ставить. И все, что эти метафизики могут сделать, – в качестве отвлекающего маневра морочить людям голову обещаниями совершить величайшие открытия с помощью многообразных экспериментов, вроде тех, которые они ждут от большого адронного коллайдера, а в 2045 году взять, да и сконструировать бессмертного человека. Хотелось бы их спросить: для чего все это? Выполнит ли свое предназначение человек в результате всех этих хаотических экспериментов? Или же окончательно погубит и себя, и биосферу?

Без философии ответить на эти и другие мировоззренческие вопросы невозможно. Философия нужна нам для того, чтобы постоянно совершенствовать уровень нашего мышления и применять его для поисков того неизменного, стабильного и универсального, что мы и называем бытием (*sein*), чтобы человек твердо понял, что именно он в качестве главного своего деяния должен осуществлять в своей жизни, ведь он – тоже бытие (*dasein*), а не существование, как думают экзистенциалисты.

М. Хайдеггер уверен в том, что понимание того, что есть бытие (или, что то же самое, что есть сущность сущего), – это та единственная задача, которая стоит перед великими философами с самого начала возникновения философии. «Так как в философском мышлении господствует наивысшее обязательство, все великие мыслители думают об одном и том же, и тем не менее это одно и то же столь значительно и богато, что его никогда не может исчерпать только один, но все вместе они еще сильнее обязывают друг друга» [6, с. 17].

Прежде всего нам следует взять на заметку постоянное подчеркивание М. Хайдеггером того, что бытие как то самое «одно и то же», о котором думают все великие мыслители, находится не где-то далеко от нас, а в самой близкой близости. Несомненно, он в данном случае прежде всего имеет в виду самого человека как бытие: *dasein* как тут-бытие или вот-бытие. Однако для того, чтобы

уяснить себе величайшую важность этого утверждения, необходимо серьезно и глубоко поразмышлять над его содержанием.

Dasein – это не любой человек, а человек человеческий, то есть не отпавший от своей сущности. В чем же состоит сущность человека? В книге «Бытие и время» М. Хайдеггер дает нам вот такую формулу этой сущности: «“Сущность” бытия-вот заключается в его экзистенции» [5, с. 42].

Ну, а что такое экзистенция (именно так, через дефис, позже будет писать это слово М. Хайдеггер)? Философ дает нам следующее пояснение: «Человек существует таким образом, что он есть «вот» Бытия, то есть его просвет. Это – и только это – «бытие» светлого «вот» отмечено основополагающей чертой экзистенции, то есть экстатического выступления в истину бытия» [3, с. 199].

Итак, чтобы стать и быть просветленной и просветляющей частью бытия, человек должен соответствовать своей сущности, которая заключается в его экзистенции, которая в свою очередь есть не что иное, как преисполненное экстаза «выступление в истину бытия». Я понимаю, что для кого-то в этих словах уже присутствует объяснение, а для кого-то – всего лишь загадка. Постараемся же помочь желающим эту загадку разгадать.

Чем экзистенция отличается от экзистенции?

До сих пор в учебниках по философии М. Хайдеггера причисляют к экзистенциалистам, а ведь он фактически порвал с этим направлением в философии, причем на самом принципиальном основании. И отдал Ж.-П. Сартру честь носить титул экзистенциалиста: «Главным тезисом Сартра о первенстве *existentia* по сравнению с *essentia*, между прочим, оправдывается название «экзистенциализм» как подходящий титул для его философии» [3, с. 201].

Ни по форме, ни по содержанию хайдеггеровская экстатически осмысленная экзистенция не совпадает с экзистенцией в ее традиционном понимании как существование. «Фраза «человек экзистирует» отвечает не на вопрос, существует ли человек в действительности или нет, она отвечает на вопрос о «существовании» человека» [3, с. 200].

Действительно, различие здесь весьма принципиально: вместо существования – сущность. Кроме того, М. Хайдеггер выступает против характерной для экзистенциализма проповеди великой ценности духа, сочетающейся, однако, при этом со стремлением «всё снова утопить в жизненном переживании, с предостерегающим утверждением, что мысль разрушает своими одеревенелыми понятиями жизненный поток, а осмысление бытия искажает экзистенцию» [3, с. 198]. Всему этому – претенциозному, но логически невнятного – М. Хайдеггер противопоставляет учение о необходимости видеть сущность человека в его «содержательном выступании в истину Бытия». Мысль не только не искажает «жизненного потока» человека, как стремятся уверить нас экзистенциалисты, но, наоборот, является единственным и объективным его оправданием. Сущность человека и принадлежит истине бытия.

М. Хайдеггер постоянно подчеркивает *объективный и внутренне противоречивый* характер истины. Доказывая то, что Гераклита понимают неверно, когда одно из известнейших его изречений переводят как «война является отцом всего сущего», М. Хайдеггер утверждает, что слово «полемос» имеет более широкое значение: спор, борение, полемика. Но самое главное в том, замечает М. Хайдеггер, что это борение происходит внутри самой истины бытия, вне зависимости от того, занимается ли человек поисками этой истины или нет [7, с. 46].

М. Хайдеггер горестно резюмирует: «Уже давно существо истины как чего-то внутренне противоречивого, борющегося в самом себе, стало чуждым нам и всему западноевропейскому мышлению» [7, с. 47].

Человек не мера всех вещей, не хозяин бытия. По мнению М. Хайдеггера, он – пастих бытия, и я понимаю это так, что задача человека – пасти, с-пасти, у-пасти от бед, от хаоса то пространство бытия, куда он «сброшен» самим бытием и наделен озабоченностью беречь его (бытия) истину.

М. Хайдеггер говорит, что это «забота». Главным словом всех проповедей Иисуса было слово «любовь». Э. Фромм же поясняет нам, что любовь и есть забота о том, что или кого любишь.

Я уверен, что трактовка М. Хайдеггером «вброшенности» человека (*dasein*) самим бытием (*sein*), озабоченности человека исполнением своей бытийственной сущности вполне вписывается в концепцию Т. де Шардена о феномене человека в составе космического «ортогенеза сознания».

Наконец, об озабоченности самого М. Хайдеггера в замене традиционной «логики» иной логикой, которую несет в себе «логос». Именно от этого, уверен он, зависит качество мысли.

«Логика» понимает мышление как представление сущего в его бытии, как оно подставляет себя представлению в виде обобщенного понятия. Но как обстоит дело с осмыслением самого по себе бытия, то есть с мыслью, думающей об истине бытия? Эта мысль впервые достигает изначального существа «логоса», которое у Платона и Аристотеля, основателя «логики», уже затемнено и упущено. Думать наперекор «логике» не значит идти крестовым походом в защиту алогизма, это означает лишь задуматься о логосе и о его явившемся в раннюю эпоху мысли существе; это означает позаботиться для начала хотя бы только о подготовке подобного осмысления. Что могут нам сказать все сколь угодно разветвленные системы логики, если они заранее, даже не ведая, что творят, избавляют себя первым делом от задачи хотя бы только поставить вопрос о существе «логоса»?» [3, с. 211–212].

Может ли спасение утопающих не быть делом самих утопающих?

Итак, М. Хайдеггер требует от логики, чтобы она поставила вопрос о существе «логоса», чтобы найти наконец-то подступ к истине бытия. И подступ этот негде искать, кроме как в истинном мышлении. М. Хайдеггер с негодованием спрашивает экзистенциалистов: как же можно понять истину бытия, в том числе и истину человеческого бытия, если не мыслить? Мыслить надо, причем обязательно, но мысль мысли – рознь. Мыслить можно только на основе логики, лежащей в основе «логоса».

«Мысль, если сказать просто, есть мышление бытия. У родительного падежа здесь двойной смысл. Мысль есть мышление бытия, поскольку, сбываясь благодаря бытию, она

принадлежит бытию. Она – мышление бытия одновременно и потому, что, послушная бытию, прислушивается к нему» [3, с. 194].

Это то, о чем мы и говорили выше: философия имеет своим единственным предметом бытие, причем одновременно и бытие мыслящее, и бытие мыслимое.

Уже Парменид в раннюю эпоху мысли говорит: «есть, собственно, бытие». В этих словах кроется изначальная тайна для всякой мысли. Возможно, «есть» нельзя подобающим образом сказать ни о чем, кроме бытия, так что все сущее никогда по-настоящему не «есть». Но поскольку мысль сперва должна достичь того, чтобы высказать бытие в его истине, вместо того, чтобы объяснять его как сущее из сущего, постольку для добросовестной мысли должно оставаться открытым вопросом, «есть» ли бытие и как оно есть» [3, с. 204].

Среди всех античных философов М. Хайдеггер особо выделяет троих. Это Анаксимандр, Гераклит и Парменид. Он даже считает их не философами, а чем-то более высоким, наверное, пророками. Я бы, пожалуй, к этому списку прибавил и самого М. Хайдеггера: он постоянно повторяет: «dasein», «эк-зистенция», «сущность человека», «стояние в истине бытия в его нескрывтости», «сбережение истины». Потрясающая интуиция М. Хайдеггера делает его подобным какому-то сверхчуткому лозискателю, обнаружившему воду на большой глубине и втемяшивающего в головы жаждущих, что именно *здесь* их спасение, именно здесь им надо искать искомое, здесь надо бурить и не жалеть на это ни времени, ни средств.

Однако пока мы живы, жива и надежда. Что мы, философы, можем сделать? Страстно и убедительно говорить людям о том, что, может, мы еще и спасемся, но только, если успеем познать и принять к исполнению истину бытия.

Язык – дом бытия. Человек и Бог обитают рядом друг с другом

Итак, прав М. Хайдеггер, бытие всегда с нами и в нас. Истина бытия, которую стремится познать эк-зистирующий человек (Dasein), – это устройство и способ функционирования логоса, а логика бытия – это содержательная

логика мира, которую мы постоянно стараемся превратить в наше мировоззрение и в логику человеческого познания.

Меня всегда поражает интуиция тех великих философов, которые буквально чутьем улавливают космическое предназначение человека и видят в человеческом бытии ключик или путеводную нить к логике и истине бытия, тем самым диалектически отождествляя *sein* и *dasein*. И зачастую это делается, казалось бы, без особых на то оснований. Впрочем, следует отдать должное и религиозным пророкам: они ведь первыми узрели это тождество своим внутренним оком и провозгласили своими хриплыми голосами, что человек – это образ и подобие Божье.

Т. де Шарден дал новый импульс исследованию этого тождества, обосновав научными фактами и эмпирическими обобщениями то, что человеческое бытие – это бытие важнейшего этапа эволюции природы, причем эволюции, направленной Абсолютом и направленной к Абсолюту.

В.В. Биbihин, переведя на русский язык хайдеггеровское «dasein» как «присутствие», несомненно вложил в это слово очень важный оттенок ключевого слова хайдеггеровской философии, но, думаю, что при этом вряд ли он имел в виду *присутствие* человека в качестве главного действующего лица в процессе эволюционного восхождения мысли (или, как говорил Г. Гегель, духа) к новым своим вершинам, и не через исторические этапы своей эволюции внутри социума (не тот масштаб), а непосредственно и буквально – через необходимый космосу постоянный процесс оживания и поумнения эйдосов. Социальная история духа была лишь подготовкой (в том числе и чисто технической) к очередному качественному скачку от человека к новой, более высокой и совершенной форме разумного бытия.

Благодатный материал для своей экзистенциальной аналитики того, что он называет *dasein*, М. Хайдеггер, как и некогда Гераклит, нашел в Слове. В отличие от других герменевтиков, он вчувствовался не только смысл словесного описания культурно-исторических событий, но прежде всего смысл космических контактов человека в его внутреннем и внешнем мире.

М. Хайдеггер анализирует изречение Гераклита, состоящее всего лишь из трех слов («*Etos antropo daimon*»), которое в общепринятом переводе звучит так: «Свой особенный нрав – это для каждого человека его дэимон». Анализ М. Хайдеггера, на мой взгляд, убедительно, показывает, что такой перевод абсолютно искажает то, что хотел сказать Гераклит. Этос – это местопребывание, жилище, где, существуя, человек хранит в себе то, чему он принадлежит в своем существе, поэтому изречение Гераклита, по убеждению М. Хайдеггера, гласит: «Человек обитает, поскольку он человек, вблизи Бога». [3, с. 215].

А Бог, соответственно, присутствует вблизи человека. И М. Хайдеггер в подтверждение сказанному присовокупляет к своему анализу поучительную историю, о которой Аристотель сообщает так: «Рассказывают о слове Гераклита, которое он сказал чужеземцам, желавшим встретиться с ним. Придя, они увидели его греющимся у духовки. Они остановились в растерянности, и прежде всего потому, что он их, колеблющихся, еще и подбадривал, веля им войти со словами: “Здесь ведь тоже присутствуют боги!”».

Поэтому понятно, почему М. Хайдеггер называет язык «домом бытия». Именно язык (логос, слово) служит местом непосредственной встречи *sein* и *dasein*: «Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистенцирует, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [3, с. 203]. К сожалению, далеко не все способны к такому возвышенному образу жизни: человек, погрязший в быте (в сущем), отчуждается от самого себя. И поэтому М. Хайдеггер уверен в том, что подлинный гуманизм заключается в способности и потребности действовать в таком направлении, чтобы помочь человеку вернуть себе самого себя.

А это означает, что человек, как, впрочем, и всё на свете, должен соответствовать своему собственному эйдосу, который выражен в его научном наименовании «*Номосарияс*» – «Человек разумный».

**Истина бытия состоит в том,
что оно есть и причина, и следствие
своего вечного самосозидания**

Продолжение разговора о бытии требует дальнейших размышлений о диалектике

Абсолюта и важнейших его инструментов: Воли, Истины и Свободы.

В своем докладе «О сущности истины» М. Хайдеггер заявляет: истину нельзя представлять себе всего лишь как адекватную копию сущего. Истина – это должное. Истина – это свобода. Причем свобода – это не состояние человека, а наоборот, человек является исполнителем воли свободы. Это всё настолько важно, что, несмотря на трудность понимания сказанного М. Хайдеггером, нам следует постараться все же уловить смысл этих слов.

Истина бытия, будучи сама диалектической, способна познаваться только диалектическим методом. А диалектика – штука серьезная, так как постоянно дает парадоксальные, а порой и неожиданные выводы. Вспомним: мы вслед за М. Хайдеггером сказали, что подлинный гуманизм заключается в том, чтобы возратить человеку самого себя, чтобы он мог стать и быть человеком. Но ведь по большому счету это означает призыв человека двигаться к Богу и становиться все более и более божественным. При этом, что очень важно, эволюция как движение к Богу носит не только персональный, но и коллективный смысл. И человек, и человечество обязаны двигаться к Абсолюту, и прекращение этого движения – это их гибель.

В этом и заключается истина бытия и человека, и человечества, и бытия в целом. И истина эта есть и *цель*, и *свобода*. Человек не только постигает эту главную истину своего бытия, но и воплощает её в дела по воле Абсолюта, превращенной в его, человеческую, волю. Человек – это и есть бытие в его проявлении тут и теперь. Могу сказать, что в таком понимании человек – это всего лишь малая точка на бесконечной линии становления бытия. Да, точка, но какая? Богоподобная, постоянно возрастающая и расширяющаяся в огромную сферу разума.

Воля к воле Абсолюта – вот каким образом следует понимать хайдеггеровское «человек есть исполнитель воли свободы».

Считая, что Ф. Ницше фактически дает два ответа на вопрос, что такое сущее в целом («воля к власти» и «вечное возвращение того же самого»), М. Хайдеггер полагает, что первое – это *строй бытия*, а второе – *способ быть* [6, с. 203]. При этом строй сущего

в каждом случае требует способа быть, причем требует как свою собственную причину.

Далее М. Хайдеггер резюмирует: «Воля к власти в сущности и согласно своей внутренней возможности есть вечное возвращение того же самого» [6, с. 205].

У Ф. Ницше М. Хайдеггер находит следующее замечательное утверждение-вопросание: «Вокруг героя всё становится трагедией, вокруг полубога всё становится игрой сатиров, а вокруг Бога всё становится – чем? Быть может, «миром»?».

Как следует воспринимать и интерпретировать сказанное Ф. Ницше и М. Хайдеггером? Я думаю, что так: воля Абсолюта состоит в том, чтобы мир всегда *был*. Причем был не скоплением и кружением неживой и немыслящей материи, а *живым и гармоничным Космосом*. Везде и всегда. При этом надо понимать, что любая точка сущего является осуществительницей воли Абсолюта как своей собственной, любая точка сущего участвует в процессе становления как в совместном творчестве. Совместность здесь понимается в двояком смысле: как совместность между всеми и каждым отдельным элементом сущего и как сотворчество их с Абсолютом.

Выхождение за пределы себя, то есть перспективность, – вот как понимает Ф. Ницше результат проявления воли к власти. Споря с биологией, персонифицированной для него в Ч. Дарвине, Ф. Ницше говорит: «...сущность жизни не в «самосохранении» (борьба за существование), а в ее возрастании и выходе за свои пределы». И ценностью является все то, что поддерживает это возрастание, способствует ему, пробуждает его.

Г.С. Батищев полагал, что категория «ценность» должна рассматриваться в качестве формы выражения укорененных в беспредельной и неисчерпаемой объективной диалектике, то есть вполне реальных и независимых от субъективистского предпочтения характеристик бытия. И поэтому можно именно так трактовать вышеуказанное высказывание Ф. Ницше о том, что позитивно-ценностный характер приобретает все то, что способствует жизни оставаться жизнью, в самом широком, космическом смысле этого слова.

Следуя мудрому и в то же время категорическому совету М. Хайдеггера, философ должен воспринимать прояснение смысла бытия в качестве своей фундаментальной задачи.

По Платону, смысл – это идея. А смысл бытия, говоря гегелевскими словами, это Абсолютная Идея. По своей идее, по своему смыслу-замыслу бытие есть Космос, то есть бытие, закономерно и гармонично устроенное. Единство духа и плоти, единство идеального и материального пронизывает устройство всего мира.

Есть немало таких философов, которые противопоставляют бытие как таковое и человеческое понятие «бытие», при этом уверяют всех, что это разные, несовпадающие друг с другом, понятия. Так ли это?

М. Хайдеггер спрашивает нас: когда мы философствуем? И отвечает: только тогда, когда мы вступаем в реальный или мысленный разговор с другими философами. Мы говорим с ними о том, что они обсуждают. «Это проговаривание друг с другом того, к чему, собственно, всё снова и снова как к одному и тому же обращаются философы, есть речь, речь как диалог» [4, с. 119].

Людям, далеким от философии, кажется очень странным то, что философы почему-то снова и снова возвращаются к одному и тому же. Но прошу заметить: у М. Хайдеггера в приведенном выше высказывании есть слово «как», употребленное в смысле «как бы», то есть «как бы к одному и тому же», а на самом-то деле это не пустое повторение, а всякий раз возврат к бытию на качественно новом, более высоком уровне. И в связи с этим «...ответ на вопрос о том, что такое философия, состоит в нашем соответствии тому, к чему философия держит путь. А это есть Бытие сущего» [4, с. 119]. И на следующей странице М. Хайдеггером, как последний гвоздь, вколачивается в сознание читателей: «Соответствие бытию сущего и есть философия» [4, с. 120].

Таким образом, развивая разумную логику познания, анализируя, синтезируя величайшее в наследии великих, в качестве эстафеты передавая эту логику последующим поколениям философов, мы всё отчетливее и отчетливее видим вполне реальный предмет нашего познания – бытие сущего.

И глупо было бы думать, что человек философствует лишь ради утоления своего личного любопытства. На самом же деле философствование – это многовековой интеллектуальный процесс, осуществляющийся во благо всего человечества, поскольку соответствие бытию сущего – это не чисто теоретический, это прежде всего практический вопрос, касающийся интересов всех людей. Мы же чрезвычайно и опасно отклонились от такого соответствия. Необходимость следовать логосу – это не выдумка капризного и «темного» Гераклита, а «железная» необходимость, от соблюдения которой в наше время уже вполне зримо зависит проблема человеческого бытия или небытия.

Литература

1. Хайдеггер М. О сущности истины / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник статей / М. Хайдеггер. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 8–27.
2. Хайдеггер М. Преодоление метафизики / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 177–192.
3. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 192–220.
4. Хайдеггер М. Что это такое – философия? / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – изд. 2-е, исправл. – СПб. : Наука, 2002. – 451 с.
6. Хайдеггер М. Ницше : в 2-х т. / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2006–2007. – Т. 1. – 2006. – 293 с.
7. Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2009. – 384 с.

Аннотация

Ивакин А. А. Соразмышления с М. Хайдеггером о бытии. – Статья.

В статье рассмотрены взгляды М. Хайдеггера на такие вопросы: кого философ называл метафизиками, в чем состоит основная задача философии, чем экзистенция отличается от существования. Также говорится о существовании «логоса» как подступа к истине бытия, которую стремится познать экзистирующий человек. Сделан вывод о том, что истина бытия состоит в том, что оно является и причиной, и следствием своего вечного самосозидания.

Ключевые слова: бытие, М. Хайдеггер, экзистенция, экзистенция, логос.

Анотація

Івакін А. А. Співроздум із М. Гайдеггером про буття. – Стаття.

У статті розглянуто погляди М. Гайдеггера на такі питання: кого філософ називав метафізиками, у чому полягає основне завдання філософії, чим екзистенція відрізняється від екзистенції. Також йдеться про існування «логосу» як підступу до істини буття, яку прагне пізнати людина, що екзистує. Зроблено висновок про те, що істина буття полягає в тому, що воно є і причиною, і наслідком свого вічного самотворення.

Ключові слова: буття, М. Гайдеггер, екзистенція, екзистенція, логос.

Summary

Ivakin A. A. Joint reflections with M. Heidegger of Being. – Article.

The article considers the views of Heidegger questions such as: who called metaphysical philosopher, what is the main task of philosophy than e-xistence different from existence. Also refers to the existence of a “logo” as the approaches to the truth of being, which seeks to understand people, who exists. It is concluded that the truth of being is that it is both a cause and a consequence of his eternal self-creation.

Key words: being, M. Heidegger, e-xistence, existence, logo.